

2008 года - 11 января 2009 года

Главный штаб взят, Пиотровский пленен

В Государственном Эрмитаже, в залах Главного штаба проходит выставка Тимура Новикова. К 50-тилетию со дня рождения. Одновременно открылись: экспозиции в Мраморном Дворце, в галерее «Люда», в «Музее Новой академии изящных искусств», в Музее городской скульптуры (друзей классика), а рядом, в некрополе — мемориальная доска на любимой скамье классика у фонтана... Остановимся.

Выставка в Главном штабе называется «Пространство Тимура». Да, Тимур действительно был занят созданием собственного пространства — социального, так занят, что недосуг было заниматься живописью. Он говорил, что созданию произведений нужно уделять ровно 4 % энергии. Скоро он бросил писать картины и стал экспонировать готовый текстиль. Тимур был сметлив и практичен — тряпки занимают мало места в сумке и много на стене. Он сшивал (ему сшивали) два прямоугольных полотнища. Помещенный в верхнюю часть крохотный силуэт солнца или самолета превращает шов в линию горизонта. Кораблик делал синюю ткань морем, ель — зеленую — тайгой. Вот и пространство. Авангардно и доступно пониманию. Потом он не стал возиться и с трафаретом, при помощи которого вырезал силуэты, просто клеил в центр фотографию или открытку. Карликовые изображения, делавшие полотнище огромным, — открытие Тимура, обеспечивающее ему место в истории искусства. А соотношение изображения и размеров произведения символизируют, мне кажется, соотношение его художественного таланта и места в искусстве, на которое шутя претендовал и которое ему ныне всерьез предоставлено.

И вот это рукоделие, эти тряпки — висят. Некрасиво сморщенные. И несколько работ маслом, городских пейзажей — из собрания Русского музея. Под взглядом разваливаются. Слабые картины. Но это — большая тайна.

Как часть экспозиции, что ли, в нескольких местах разложен каталог выставки. Красный, в твердом переплете, по красному — черные буквы, словом, увеличенный комсомольский билет, для утонченности — удлинённый. Там, где был профиль Ленина, профиль Тимура. А сам Тимур с лицом оперного злодея в видике сечет, простите, раскрасневшуюся задницу Манро. «Директор музея Михаил Пиотровский назвал выставку Тимура Новикова вполне соответствующей эрмитажным вкусам», — читаю в отчете об открытии. «Он может не нравиться, но не может не очаровывать», — пишет Пиотровский в предисловии к каталогу. Ну хорошо, выпестованные Тимуром искусствоведы, которых он втянул в свое пространство, его нежно любят и поют — кто осудит — сердцу не прикажешь, кто не пристрастен к друзьям, но Пиотровский... Тимура чрезвычайно интересовали формы воздействия на людей, в том числе и тайны чар, волшебства.

Выставка представляет собой убогое зрелище — но кто же будет Тимура, «наше все», «гения», «крупнейшего художника XX века», «при жизни классика», «благодаря которому для будущего останется наше время» по работам судить. Даже апологеты согласились: его произведением была его карьера, это во-первых. Во-вторых, он велик своим влиянием на художественную ситуацию. Влияние действительно до сих пор ощущается: до сих пор местные специалисты по новейшим течениям уверены, что произведения, их качество значения не имеют, современное искусство — это безответственные заявления, удачная

афера, манипуляция идеями, а хороший художник – тот, кто соединит в себе отвязность и практичность.

Тимур в детстве ходил не в художественную школу, а в кружок юных искусствоведов при Русском музее. И всегда думал не о том, как стать великим художником, а как войти в историю искусства, в музейную экспозицию. Результат налицо, и случай Тимура должен быть помещен в учебники. Хотя сами средства в большинстве стары как мир: «во-первых, угождать всем людям без изъятия», «кукушка хвалит петуха» и т. д. .... Но главной особенностью был их широкий ассортимент: его девиз «всечество» — он использовать все и всех. Помог темперамент: чрезвычайный высокий психический темп делал его способным эксплуатировать любую ситуацию. Разумеется, помог и исторический перелом, но и он не зевал, использовал по-полной. Например, когда молодые искусствоведы, некоторые из них аж сотрудники Русского музея, подбитые ветром перестройки, так осмелели, что побежали знакомиться с неофициальными художниками, никто кроме Тимура не снизошел, не подумал о том, чтобы заняться их воспитанием. И он с этим справился, ибо имел ответы на все вопросы. Он был так комфортен, коммуникабелен, так мягок, так нежен в обращении — и в то же время: то ли его самого тянуло делать морально недопустимое, то ли он просчитал и это: притягательность зла для многих. И всегда есть алиби: все «не всерьез», все спишется на художественную провокацию...

Тимур говорил: Ван-Гог знаменит не потому, что писал картины, а потому что отрезал себе ухо. Нужно, чтобы в жизни художника было нечто этакое. И судьба предоставила — слепота, ранняя смерть. Но пожалеть его не получалось: у всех было чувство, что он сам это придумал для эффектного ухода со сцены. И не он ли приучил: не существует ничего такого, что следует принимать всерьез. По-настоящему ужасно было другое: стремительное превращение веселого, легкого, непоседливого юноши с прогретым взглядом — «в старца» с всегда назидательной интонацией, скрипучим голосом, с обликом тяжелым и страшным, словно играющим в какой-то пьесе то ли злого волшебника, то ли проповедника-шарлатана.